

The image shows the back of a man's head with dark, wavy hair. A white rectangular box is superimposed over the back of the head, containing the title 'ТЕКЕЛ' in large, white, sans-serif capital letters. The background is a warm, reddish-brown, textured surface.

ТЕКЕЛ

ТЫ ВЗВЕШЕН И НАЙДЕН ЛЕГКИМ

ДЭВИД ЛАЗБА

Дэвид Лазба

**Текел. Ты взвешен
и найден лёгким**

«Издательские решения»

Лазба Д. З.

Текел. Ты взвешен и найден лёгким / Д. З. Лазба —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746268-0

Второй роман Дэвида Лазба «ТЕКЕЛ: Ты взвешен и найден легким» повествует о юном Адаме Кноспе, который шаг за шагом пытается найти путь к свету, балансируя на тонкой грани между плотскими желаниями и праведной истиной.

ISBN 978-5-44-746268-0

© Лазба Д. З.
© Издательские решения

Содержание

1 глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Текел

Ты взвешен и найден лёгким

Дэвид Лазба

*Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел – ты взвешен на весах и найден очень лёгким; Перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам.
(Дан. 5:26—28)*

© Дэвид Лазба, 2017

© Сергей Веденский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-6268-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 глава

Я совершенно не ожидал, что после долгой романтической прогулки Софья пригласит меня зайти домой на чашечку чая. Как и не ожидал, что мои носки окажутся дырявыми. Когда я их надевал, они были в полном порядке. Честное слово!

Я сидел у нее на кухне, помешивал ложкой горячий черный чай и сжимал ноги, пытаясь спрятать дырки. Ее мама – хорошая, милая, гостеприимная женщина. Приготовила нам чай, положила на стол печенья, ватрушки и разные конфеты. И она постоянно улыбается мне. А вот ее муж выглядит несколько недоброжелательно. Косой взгляд, небритое лицо, лысеющая голова, грязная майка. Либо у него проблемы, либо моя персона ему просто не по нраву. Он говорил с кем-то по телефону, стоя в коридоре. Почесывал живот. Тон у него был довольно важный и одновременно ворчливый. Поневоле я прислушался к его разговору, а затем, заинтересовавшись, обернулся и посмотрел на него:

– Да, да, записываю. – Он зажал трубку меж ухом и плечом, взял блокнот с ручкой и начал выводить цифры. – Подожди! – Выцедил он после того, как дописал. – Заново! – Он повторил номер. – Правильно?

Вслед за тем, не попрощавшись с собеседником, отец Софьи положил трубку и наши взгляды встретились. Я неуверенно выдавил из себя: «Здрассте» и приподнял руку, а он лишь сухо кивнул и удалился в другую комнату. «Ну, и на том спасибо» – подумал я.

Софья сидела напротив меня и смущенно попивала зеленый чай, а ее мама продолжала озабоченно носиться по кухне и без конца подкидывала на стол различные угощения. А потом она схватилась за голову, будто что-то вспомнила, положила мне на плечо руку и озабоченно спросила:

– Дорогой, ты, наверное, голоден!

– Нет. – Улыбнулся я. – Не голоден. Спасибо!

– Мама. – Строго буркнула на нее Софья. – Все в порядке, ты можешь идти заниматься своими делами.

– Хорошо, хорошо. – Ответила та, а потом еще раз посмотрела на меня и добавила. – Если что-нибудь понадобится, зовите!

– Хорошо, больше спасибо.

Она ушла и закрыла за собой дверь. Софья ласково улыбнулась мне. Она вытянула из хрустальной вазочки небольшую шоколадку и медленно начала разворачивать ее. Я без конца смотрел в ее большие манящие, темные, как пропасть, глаза и переживал о том, что у меня, возможно, вдобавок к дырке на носке, воняют ноги. Вернее, я был в этом убежден. Дырявые вонючие носки – что может быть хуже?

– Интересный у тебя отец. – Поспешно заметил я.

– Он весь день сегодня на взводе. Возня с работой и прочее. – Оправдывала она его внешний вид.

– Знаешь. – Ухмыляясь, сказал я. – Люди делятся на два типа: те, кто просто записывают номер и те, кто после этого повторяют его вслух, чтобы удостовериться правильно ли записали.

Она засмеялась. Ее тонкий задорный смех обволок все кухонное пространство. Я посмотрел сквозь нее, в окно, на аспидно-синюю подспевающую ночь. Мне было хорошо, несмотря ни на что.

– Это ты про отца? – Спросила она и махнула рукой. – Он вечно по телефону с кем-то болтает.

– Да. Я просто заметил, что он повторил номер. Вот я и подумал. Он повторил, а я вот не повторяю, понимаешь?

Она взглянула на меня, как на дурака и снова захихикала.

– А мама у тебя милая! – Сменил я быстро тему.
– Думаю, ты ей понравился.
– Ей, может, и да. А вот твоему отцу, вряд ли.
– О, брось ты. – Запротестовала она. – Он просто сегодня не в себе. Сейчас у нас ответственный период, он же глава семьи и все такое. На нем все лежит. Ну, сам понимаешь. Я тебе потом, позже кое-что расскажу. Это одновременно хорошая новость и плохая. Хотя нет, просто плохая...

Она без остановки тараторила о своем отце и о каких-то проблемах, а я все думал о своих вонючих носках. У меня в голове никак не укладывалась подлость этой жизни. Почему мне не предложили тапки? Я обычно их вообще не надеваю, но мне их всегда предлагают, когда прихожу к кому-нибудь в гости. А тут, как назло, все ходили босиком, и никто не удосужился подать мне эти несчастные тапки, в которых я нуждался больше, чем в кислороде. Нет, я не обвиняю никого ни в чем, разве что эту жизнь или, скажем, погоду, которая разбросала по ямам здоровенные лужи, в одну из которых я невольно плюхнулся ногой. А хотя. Еще я виню тех обалдуев, которые сшили мои туфли. Они, по идее, кожаные и водонепроницаемые. Но у меня настолько мокрые носки, что даже порвались. Наверняка, их сделали какие-нибудь китайцы. Они всю жизнь пытаются одурачить покупателей своей некачественной одеждой и обувью. Я, конечно, все понимаю: их много, живут они по-нищенски, нужно как-то выживать, но все же – подло. Да, в этом виноваты все, кроме меня, честное слово. Я-то помыл свои ноги и надел на них чистые хорошие носки. Ну, или почти хорошие.

Сквозь мои анализирующие мысли, донесся оклик Софьи:

– Адам.
– Да? – Оживленно отреагировал я, вырвавшись из объятий своих глупых размышлений.
– Ты меня слушал?
– Конечно.

Она пристально посмотрела на меня, и тут я заметил на ее лице какую-то неуловимую тоску и сожаление. Ее белоснежные руки с тонкими длинными пальцами аккуратно и неподвижно лежали на столе возле печений с корицей – я в жизни не видал таких прекрасных и ухоженных рук. Плавно поднимая свой взгляд, я остановился на ее нежных, казалось, хрупких, худощавых плечах. Мне вдруг захотелось ее обнять, да по сильнее. И это было вполне осуществимое желание, только для начала мне нужно было разобраться с чаем и покинуть кухню вместе с ней.

Я обхватил рукой стакан и, не теряя времени, попытался вылакать все содержимое, но чай оказался очень горячим, и я лишь понапрасну обжегся.

– Есть кипяченая вода? – Наивно спросил я у Софьи.
– А зачем тебе?
– Разбавить хочу. – Сказал я, глазами указывая на чашку.
– А, вон. – Она поднялась, взяла графин и подлила мне в чай холодной воды.
– Спасибо.

После этого я справился с ним за минуту, затем, посмотрел на Софию ожидающим взглядом.

– Ничего не скушаешь? – Удивленно спросила она.
– Что-то не хочется. Все выглядит очень красиво и аппетитно, но...
– Аппетитно. – Передразнила она. В ее глазах промелькнула ехидность. – Ну, конечно.
– Покажешь свою комнату?
– Ты точно ничего не будешь? Может еще чаю? – Заботливо спросила она, выходя из за стола.
– Нет. Спасибо. – Я встал.
– Ну, пойдем.

Она обошла меня, открыла дверь, взяла мою руку и повела в свою комнату. Первое что мне бросилось в глаза, когда я зашел в нее – это желтые обои, обклеенные различными рисунками. Она сама, собственной рукой, нарисовала их. Очень здорово. Софья и раньше говорила мне, что любит рисовать, но у меня и в мыслях не было, что настолько хорошо и красиво. Комната была незатейлива, обставлена со вкусом и имела приятную миролюбивую атмосферу.

– Здесь очень мило. – Говорю, подходя к стене с рисунками. – Ты молодчина. Знаешь это?

Она молчала, стояла сзади и смущенно теребила подол своей шерстяной кофточки. Я развернулся к ней, улыбнулся и спросил:

– Покажешь, где уборная? Совсем забыл вымыть руки.

– Выходишь и сразу налево. – Указала она.

Я стремительно вышмыгнул из комнаты, зашел в ванную, стянул носки, смял их, запихнул в карман и тщательно вымыл руки. Я спасен. Выйдя в коридор, я заметил, что в квартире стоит гробовая тишина. Кто знает, может быть, все на миг замолчали для того, чтобы недоверчиво вслушаться в мои действия.

Я вернулся в комнату с босыми ногами. Софья бегло пробежалась по ним, сделала озадаченное выражение лица и затем спросила:

– Где твои носки?

– Я их слегка намочил. – Признался я. – Не комфортно было, вот и стянул.

– Может быть тебе тапки дать?

– Нет, спасибо. – Выпалил я и тут же пожалел об этом.

– Так тебе нравится моя комната?

Я положительно кивнул.

– Даже очень. Милее комнаты в жизни не видал.

Здесь пахло ее мягкими духами. Я вдруг вернулся мыслью к тому, что на кухне мне очень хотелось ее обнять. Присев на мягкую кровать, я похлопал рукой по покрывалу, говоря:

– Садись рядом.

Она повиновалась. Неуверенно примостилась на краюшке и посмотрела на меня ясными, но все еще печальными глазами.

– Ну, что такое? – Спросил я ее несколько подбадривающим тоном. – Что случилось?

Я знал Софью всего месяц, но распознать ее печаль для меня не составляло никакого труда. Все дело было в глазах. Порой, в этих черных кружочках отсвечивалось безмятежное, подлинное счастье и жизнелюбие, а иногда – отчаянное горе и вселенская тоска.

Она не сразу ответила. Опустила голову, заправила прядь волос за ухо и вздохнула. Я медленно придвинулся к ней и обнял ее плечи.

– Не хотелось тебе говорить... – Начала она. – Не хотела портить настроение.

Это меня несколько испугало, я сразу начал выдумывать, что же могло произойти с ней такого, что может испортить мне настроение.

– Ты о чем? – Спрашиваю.

– Помнишь, я говорила тебе про Германию?

Она как-то рассказывала мне о том, что ее родители хотят эмигрировать в Германию. Они были верующими. Софья часто рассказывала мне о Боге, рае, аде, заповедях, Иисусе. Я верил, но недостаточно искренне. И по ее словам, я не был спасен, и у меня не было билета в Царство небесное.

Ее семья собирались в каком-то христианском центре. Там проводились служения каждое воскресенье. У нее в Церкви было всего человек пятьдесят, но их основная Епархия находилась в США и Германии. Вся эта община была русскоговорящей. На тот момент мне это казалось безобидным. «Ну, хотят они жить в Германии и все» – думал я. – «Я тоже много где хочу жить, однако остаюсь здесь, на Родине».

– Да, припоминаю. – Сказал я настороженно.

– Так вот, родители твердо решили переехать туда. – Выдала она.

В этот момент меня словно обухом по голове ударили. Не поверив своим ушам, я переспросил:

– Что?

– Мы переезжаем, Адам. Через месяц, наверное, уедем. – Трагично заявила она и поспешно добавила. – Но это ничего. Ничего, слышишь? Мы ведь будем общаться...

И тут я неумышленно перестал ее слушать. Отдалился, погрузился в полнейший сумбур, и пустился в свистопляску. Все вокруг помрачнело. Но, кажется, она дальше сказала, что-то вроде: «...ведь есть интернет, телефон и многое другое». Благодаря своим необузданным мыслям я провел себя через всю жизнь, представляя, как вечно буду слоняться по этой земле одиноким волком и, в конце концов, умру в горьком, полнейшем одиночестве. Я даже нафантазировал, какой на мое холодное тело наденут костюм. Вероятно, черный. И галстук нужен, обязательно. А еще я никак не мог определиться с тем, какое у меня будет выражение лица и цвет кожи. Насколько я буду бледный? «Хватит!» – подумал я. – «Мне уже восемнадцать, а я такой идиот».

– Почему ты молчишь? – Тревожно спросила она.

– Но... – Заикнулся я.

Она схватила меня за руку и прижалась ближе. Я почувствовал тепло ее хрупкого тела.

– Весь этот месяц мы будем вместе, да? Да ведь? – Спрашивала она.

Я молчал и думал. Что ж такого я тебе сделал, госпожа Вселенная, что ты одарила меня столь неприятными стечениями обстоятельств? Сначала ты намочила и порвала мои носки, а теперь лишаешь меня той девушки, которая мне действительно стала дорога. В кой-то век ко мне потянулась непорочная, святая душа милого и красивого существа – не проходит и месяца, как она заявляет, что скоро уезжает.

– Да... – Сказал я несколько двусмысленно, обращая свое согласие не то к Софье, не то к самому себе.

Ей стало не по себе. Мой поникший, задумчивый вид вогнал ее в еще большую тоску и растерянность. Я это понял. Нужно было утешить ее, подать надежду, забыть самому, и заставить забыть ее. Ведь в такие моменты самое главное что? Не показывать виду. Не показывать печали. Сказать, что все будет хорошо. Мужчина на то и мужчина, чтобы решать проблемы или хотя бы создавать иллюзию того, что он решает их. И вдруг я придумал: впервые потянулся к ее бледным, девственным, немного вздутым губам и поцеловал их. Безгрешно, неожиданно, легко и томно. Тишина достигла максимума, и были слышны лишь ее неровные, взволнованные вздохи. Она сжала мою руку сильнее. И вправду все отдалилось назад: заботы, проблемы, печали. Были лишь мы. Мы и наш поцелуй. Раньше я не решался ее целовать, потому что она говорила, что целоваться можно только после свадьбы, но ведь это полная чушь, и она сама об этом знала.

В коридоре что-то зашуршало. Испугавшись, я попытался отпрянуть, но она не отпустила, и снова притянула меня к себе.

– Софа. – Сказал я, отклоняя голову назад. – Там кто-то есть.

Она пришла в себя и посмотрела на дверь, затем на меня.

– Это был мой первый поцелуй. – Призналась она, улыбнувшись, как маленький ребенок.

– Ты ангел. – Просиял я. – Не хочу тебя терять.

– Мы и не потеряемся. Мы будем вместе. Обещаю!

– Наверное, мне пора. – Сказал я.

– Ты уверен? Посиди еще немного.

– Нет, нужно идти. Мои родители будут переживать. Я и так уже засиделся.

– Ты тут не больше получаса.

Она действительно хотела, чтобы я остался. Но мне нужно было побыть наедине с собой, да и домой пора, это точно. Я еще раз поцеловал ее и взглянул в широко раскрытые глаза. В них отсвечивалась радость. Пусть даже эта радость пройдет, как только она останется одна. Я поступил, как мужчина. Первый в ее жизни поцелуй, подумать только! Неужели все эти годы, ты дождалась меня, дурака? Неужели тебя никто не замечал? А может быть ты никого и не подпускала. Но тогда почему подпустила меня? Я поднялся и вышел в коридор.

– Какие у тебя планы на завтра? – Спросила она.

Я пытался впихнуть босую ногу в узкие туфли – безрезультатно. Софья заметила это и подала мне металлический рожок для обуви.

– Лето. – Сказал я, засунув наконец-то ногу. – Никаких планов.

– Позвонишь мне? Где-то в час дня.

– Не вопрос.

Она улыбнулась. Из комнаты вышла ее мама.

– Уже уходишь? – Она широко улыбнулась, как всегда.

– Да. Спасибо огромное за все. Рад знакомству!

– Взаимно, взаимно. – Добродушно кивала она.

Я посмотрел на Софью. Она начинала опять грустнеть.

– Не грусти. До завтра. – Сказал я и вышел.

На улице было свежо. Алмазные недосыгаемые звезды хаотично разметаны по ясному безгранично-глубокому небосводу. Ранняя одинокая лилово-дымчатая луна взошла, осветив несправедливый мир своим ровным, блеклым светом. Дома были раскиданы беспорядочно. Каждую минуту в чьих-то окнах гаснул свет.

Внутри меня было какое-то странное беспокойство. Всю жизнь я ориентировался на свои чувства. Нравится – возьму, сделаю, съем, поцелую. Не нравится – выкину, разрушу, выплуну, отвернусь. И в этот раз я быстро сориентировался. Тот поцелуй был точкой. Точкой в моих чувствах. «Любовь, ты ли это?» – Подумал я. – «Я не знаю тебя, и не могу знать наверняка. Но, кажется, это, в самом деле, ты, зараза». Перед глазами стояло чистое обворожительное лицо, в носу циркулировал запах ее духов и кожи, на губах остался привкус мягких девичьих губ, в ушах разносился тихий высокий голос, на руках ощущались длинные, темные локоны. Мои мысли разорвались на две части: одна часть называлась просто «она», а другая – «она скоро уедет».

На следующий день я позвонил ей ровно в час дня, как и просила. Во мне бушевало чувство трепета, но утро выдалось не совсем добрым. А она, напротив, была на редкость веселой. «Видимо вчерашний поцелуй выпустил в нее немалый залп бодрости, живости и радости» – думал я.

– Сегодня необычный для тебя день! – Бойко воскликнула она.

– О чем ты? – В недоумении спросил я.

– Твои рассказы! Их прочтут, вернее уже прочли знающие люди!

– Не понимаю. – Продолжал я.

– Сегодня проходит конкурс. Называется «Проба пера». У меня знакомый работает там. Вернее он волонтер. Я дала ему один из твоих рассказов, и он тебя записал.

– Какой конкурс? Что за...

– Ты, правда, не слышишь? Конкурс «Проба пера»!

– Но я не хочу. Давай просто встретимся и погуляем?

– Шутишь? Мы обязаны туда пойти! – Возмутилась она, а затем по слогам проговорила. –

Ты уже записан! Хотела сделать тебе сюрприз просто!

Я вздохнул:

– Какой рассказ-то?

– Который про школу.

– Ты выбрала самый гнусный рассказ, который я написал?!

– Нет! Он чудесный! Мне он больше всего понравился.

– Что ж, ладно. Пусть будет по-твоему. Во сколько тогда заезжать?

– В три уже начинается все.

– А адрес какой?

– Минутку!

Она отошла от трубки, прошуршала чем-то, вернулась и назвала мне адрес. Просчитав в голове примерный маршрут, я сказал:

– Значит, заеду за тобой без двадцати три или в половину.

– Ты на машине что ли будешь? – Удивилась она.

– Да. – Я сделал небольшую паузу, а затем добавил. – Возьму у брата.

– Ну, тогда до встречи!

– Давай!

– Целую. – Сказал я напоследок, но мне никто не ответил.

Брат был в командировке, его машина пылилась на парковке, и я подумал: «почему бы не воспользоваться?»

По дороге я несколько раз непринужденно нарушил правила, но благо нигде не стояли полицейские. Водительские права я получил совсем недавно и немного путался со знаками, но в целом водил сносно. Машина была автомат, быстрая, послушная, но, к сожалению, у нее руль справа – к этому нужно еще привыкнуть. Припарковавшись возле четырнадцатизэтажного дома, я позвонил Софье:

– Я на месте, выходи. Белая «тойота».

– Уже иду! – Задорно ответила она.

Я положил трубку, отпил воды из бутылки и стал дожидаться, осматривая район. Слева от меня располагалась детская площадка, рядом с ржавыми и, должно быть, поломанными качелями. На одних качался маленький мальчик годиков четырех. Казалось, что он вот-вот свалится или качели просто рухнут и раздавят его. Вокруг не было ни одного взрослого, который мог бы походить на его родителя. Площадка вообще пустовала, мальчик был там один, в полном одиночестве. Я очень надеялся, что за ним все же приглядывает из окна какая-нибудь бабушка, поэтому решил не подходить.

Затем я посмотрел направо: прилавок с сигаретами, выпивкой, едой. А близ него стоял какой-то мужик и что-то говорил продавщице в маленькое окошко. Я едва ее разглядел, и насколько понял, она была пухлой с распущенными белыми волосами. И все губы в какой-то розовой, наверняка, липкой и дешевой помаде. Мужчине было за сорок, а вот ей, думаю, уже перевалило за пятьдесят. Они оба безнадежные и оба неудовлетворенные. Шикарная пара. Одобряю.

Наконец-то показалась Софья. Красивая, нарядная, подтянутая. Ее черные волосы развивались на ветру, и худые гладкие ноги плавно направлялись в мою сторону. «Только не порти ей настроение» – подумал я. – «Не смей»

Вспомнилось вчерашнее безрассудное состояние изнеженности. Угрюмость сошла и нахлынуло ликование. Это праздник. Но почему на нее никто не смотрит? Как мир может заниматься своими делами, когда по Земле ходит такая изящная, обворожительная молодая девушка с таким необыкновенным именем? Софья. Как можно не заметить такое красивое

создание? Мне говорили, пели, орали, писали, что такие девушки – миф. Я думал, что таких вообще не существует. Но это была ложь. Вот она. Идет ко мне, и я ей нравлюсь. Ей нравится мое лицо, уродливая улыбка, голос, глупый юмор, худощавое сутулое тело. Ее все устраивает. Что может быть лучше? Понятно, конечно, что все это крайне сопливо, крайне сентиментально, но мне было плевать. Не хотелось отрекаться от чувств. Искренность не может быть отвратительной. Любовь не может быть уродлива и смешна. Разве только в глазах тех, кто никогда не любил.

Софья распахнула дверцу машины и вскоре оказалась рядом со мной, по левую руку. Ее мягкий аромат моментально заполнил все пространство тесной машины. Я потянулся, чтобы поцеловать ее, но она испуганно отстранилась, говоря:

– Там папа из окна смотрит.

Я осторожно пригнул голову и пробежался глазами до седьмого этажа. Ее отец стоял с таким же угрюмым и сердитым видом, что и вчера. Он был подобен степному ястребу. Лоб сморщился в тысяче складок, хмурые брови почти прикрыли и без того небольшие темные глаза, длинный острый нос изогнулся книзу, а сжатые губы скривились и опали, как у мертвой рыбы. Мне стало его искренне жаль.

– Твой отец так сильно переживает из-за переезда...

– Да... – Кисло выпустила Софья.

– Он чувствительный, да?

– Просто не любит трудности. А там с документами какая-то проблема. Это все требует большой ответственности.

– Но зачем вам это? – Спросил я, выпрямившись.

– Тут его бизнес совсем не идет. Да и он терпеть не может Россию. Мама его поддерживает. Я тоже не фанат России и вообще. Но когда познакомилась с тобой...

Я посмотрел на нее любящим, выразительным, полным благодарности взглядом, а затем завел машину, чтобы поскорее умчаться.

Странное стихийное переживание бурлило во мне: я чувствовал себя собственником, но будто находился на грани банкротства. Такое, наверное, у каждого бывало. К примеру, имеешь ты какую-нибудь очень хорошую вещь, порадоваться не можешь, хотя в глубине души что-то клокочет, напоминая о том, что твоему счастью скоро конец. Дескать, ты потеряешь эту вещь, она вот-вот ускользнет! И у меня было именно такое вот состояние, только умноженное в сотню раз, ведь это не вещь, а человек, которого мне очень не хотелось терять. До отъезда Софьи оставался месяц, но за свои восемнадцать лет я удостоверился в том, что каких-то тридцать дней пролетят моментально, заметить успеешь едва ли. Особенно, когда тебе хорошо. Особенно, когда влюблен.

– Твой отец ведь знает, что ты в безопасности со мной? – Сказал я отчужденным тоном.

– Думаю, да. Но я сказала ему, что ты тоже верующий.

– Ну, ты не солгала.

– Но пришлось ему сказать, что ты ни в какую церковь не ходишь.

Я ничего не сказал, включил навигатор, плавно надавил на педаль и, не спеша, выехал из унылого двора.

– Но ты должен прийти разок к нам. – Сказала она, после того, как мы выкатились на дорогу. – Тебе понравится.

– Хорошо... – ответил я.

Она затевала этот разговор трижды, и каждый раз я отвечал одинаково. Что-то меня в подобных разговорах и предложениях пугало. Да и религию я не признавал. Мне было не понятно, кто из всех прав по-настоящему. На самом деле. Этих вероучений и всяких разветвлений так много, что простой, мирской человек, скорее всего, потеряется во всем этом и в итоге так ничего и не выберет. Останется лишь агностиком. Вера, Бог, Церковь, Христос,

Дьявол – на этом люди научились зарабатывать немалые деньги. Изготавливают и продают различные распятия, священные земли, иконы. Все это разве нужно Богу на самом деле? Люди скупают иконы, ставят перед собой, падают на колени и бьются лбами об пол, умоляя какое-то обычное изображение о той или иной нужде. Идолопоклонство, ничего другого. Как трудно поклоняться Богу и как легко поклоняться кому-нибудь или чему-нибудь другому, не так ли? С самого детства я в поисках Бога. Куда мне только ни приходилось забредать, в какие только церкви я не заходил. Бывал и в православной и в католической, в протестантской. И везде были свои какие-то чудики. Однажды вообще в какой-то сумасшедший дом попал. Служителя на протяжении всего служения плясали со знаменами, а пастор вместо проповеди, просто орал какую-то ересь, раздирая свои голосовые связки. На таком служении ничего, кроме стресса не получишь.

Я не верил в религию, не верил в Церковь и всерьез думал, что Бог находится сугубо в моих чертогах, во мне самом. Я думал, что мое тело – это моя церковь. Но насчет Софьиной церкви я не мог быть уверенным точно. «Ведь есть же на свете хотя бы одна церковь, которая придется мне по душе?» – Думал я. – «Может как-нибудь, и загляну к ней».

Мне было довольно трудно ехать, так как все мое внимание было устремлено на ее гладкие колени, милые руки и красивую улыбку. Рядом со мной сидел ангел, и я чувствовал, что становлюсь лучше, находясь с ней. Ее аромат дурманил меня. Опьянял и усыплял. Глаза невольно закрывались, и я уносился куда-то в сказку. Раньше со мной такого не бывало. Да и в мыслях не было, что такие чувства вообще существуют. До нее мне, конечно, нравились девушки, но ничего серьезного я к ним не испытывал. У меня не замирало сердце, не пробегали по всему телу мурашки. Они просто радовали глаз, не более. Я смеялся над влюбленными парнями, называя их неженками, зефирами, нытиками. А теперь стал еще хуже, чем они. Да и плевать.

Через пятнадцать минут навигатор, наконец, запищал. Это означало, что мы на месте. Я припарковал машину, вздохнул, взглянул на Софью и резко, без предупреждения рванул к ней, чтобы, наконец, поцеловать, но ремень натянулся и осадил мой рывок. Я нервно нащупал кнопку возле сидения и высвободился. Не успел я поднять глаза, как почувствовал ее холеные белые руки, обвивающие мою шею. Ее лицо приблизилось к моему, она вкрадчиво посмотрела мне в глаза, словно хотела прочесть мысли. Без раздумий я поцеловал ее. И опять все затихло, кроме ее прерывистого стесненного дыхания. Я ощутил ее острые ровные зубы, которые впились в мою нижнюю губу. Было больно, но я терпел. Пусть забирает их, если хочет.

– Нужно позвонить Диме! – Оборвав процесс поцелуя, сказала она.

Софья порылась в сумочке и вынула телефон.

– Ну, и кто же это? – Спросил я, откидываясь на сиденье. – Этот Дима...

– Так. – Махнула она рукой. – Один знакомый.

– Откуда ты его знаешь?

– Аллю. – Сказала она в трубку, улыбнувшись.

Я наблюдал за ее лицом.

– Мы на месте! – Говорила она. – Выходи! Беленькая такая машина.

– Ну, так? – Спросил я после того, как она положила трубку.

– Что?

– Кто это?

– Мы с ним в художественную школу ходили вместе. Вот и все.

– Мм.

Через несколько минут из белого здания напротив, выбежал какой-то худощавый паренек в засаленной зеленой майке. У него были темные волосы и пробор посередине.

– Это он? – Пренебрежительно указал я на приближающийся к нам силуэт.

– Да!

– Ну, идем. – Я открыл дверь и неохотно выполз наружу.

Парень сначала подошел ко мне, дружелюбно протянул руку и представился:

– Я Дмитрий.

«Какое слабое рукопожатие, – подумал я, – вернее, совсем никакое»

– Адам.

– Очень приятно!

– Взаимно.

У него были выбриты брови. Между ними была черная отчетливая щетинка, он даже по бокам их повыдергивал. Бороды у него не росло, однако, волосы на лице присутствовали. Чем-то он мне напомнил монгола: жидкий пушок под маленьким носом, тонкие черные копыя, торчащие из узкого подбородка. Похоже, все его волосяные луковицы располагались над глазами. Мне в нем все казалось ужасно отвратительным. И вовсе не потому, что он был таков, а потому что он был знаком с Софьей.

Она подошла к нему и широко улыбнулась.

– Привет! – Протяжно выпалил он и поцеловал ее в щеку. – Как ты, дорогуша?

Софья, наконец, догадалась, что все это меня несколько напрягает. Она повернулась ко мне и поспешно доложила:

– Адам, не волнуйся, он гей.

Дмитрий кивнул и радостно добавил:

– Ну, надо же! Деточка, ты научилась называть меня геем, а не гомиком!

Я расслабился, и мне стало плевать на его выбритые брови, уродскую прическу и прочие недостатки.

– Ладно. – Сказал я. – Куда идти?

– За мной. – Важно махнул он рукой.

Мы направились к белому ветхому зданию. Я сразу обратил внимание, что в нем имеются крестовые трещины, а это означало, что оно могло рухнуть в любой момент. Не нужно быть геологом или инженером, чтобы понять: здание, находящееся в таком состоянии представляет опасность для людей. Зайдя внутрь, мы очутились в длинном, как кишка, коридоре, который тускло освещали разбитые пыльные люстры. По бокам – слезшие обои. Они подобны гнилой папиросной бумаге. Под ногами выстелен изодранный, стертый коричневатый линолеум. В уголках находилось целое кладбище мух. Такое чувство, будто здесь кочевали бешеные псы. Это место наводило тоску, даже мухи сдохли. И еще этот кисло-сладкий запах молью траченных стен.

Наконец, коридор кончился, и мы вышли в небольшой, я бы даже сказал, тесный зал, битком набитый седыми стариками. Они все, скопившись в кучу что-то бурно обсуждали. Однако среди них я разглядел двух молодых девушек и худого лысого мужчину лет тридцати пяти-сорока.

Несмотря на скромность размеров помещения, здесь присутствовала небольшая сцена, на ней криво стояла кафедра, а рядом микрофон, перемотанный красной изолентой. Перед сценой стояло несколько рядов скамеек.

– Да уж. – Сказал я, а затем, прищурившись, посмотрел на Софью. – Еще не поздно уйти отсюда.

– Ни в коем случае! – Запротестовал Дмитрий. – Ты что! Я читал твой рассказ! Ты молодец! У тебя есть все шансы на победу!

– Да погляди же ты. – Кивнул я в сторону толпы. – У этих стариков огромный опыт за плечами. Да и не в этом дело. Мне не хочется тут торчать.

– Ну и что? – Молниеносно отреагировала Софья.

Я посмотрел на нее с ироничным выражением лица:

– Думаешь, сопляк, вроде меня, готов переплюнуть их? У меня никчемный словарный запас и мне восемнадцать.

– Какая разница, какой у тебя словарный запас и сколько тебе лет? – Воскликнул Дима. – Какая разница, какие слова ты используешь? Главное, чтобы рассказ был интересным и понятным! К тому же, у тебя есть свой стиль!

Я собирался ему ответить, но вдруг к нам подошел низкий седой престарелый мужчина. У него были крупные мешки под голубыми глазами, красный, как редиска, нос и длинный рот, а около него – огромная волосатая бородавка. На старике был дешевый пиджак, цвет которого напомнил мне болото. Брюки велики и ремня едва хватало, чтобы удержать их на раздутом животе.

– Добро пожаловать. – Он грациозно подал мне свою влажную, толстую руку. – Меня зовут Григорий Александрович.

– Очень приятно. – Сказал я, тряся его десницу. – Я Адам.

– Вы чеченец? – Удивился он, а затем закрепил. – Не похожи.

– С чего вы взяли, что я чеченец?

– Ваше имя... – Медленно проговорил он, вглядываясь мне в глаза, как истинный сыщик. – Адам. У чеченцев такое частенько встречается.

Я искоса посмотрел на Софью, как бы, безмолвно, спрашивая: «Что он несет?»

– Это интернациональное имя. – Объяснил я.

– Ну, это смотря с какой стороны посмотреть. – Он облизнул свои длинные губы, сглотнул и продолжил. – Вы живете в России. Это имя чаще всего встречается в Америке, ну, и в других странах. А тут обычно у чеченцев. Все просто.

Я замолчал. Ненавижу стереотипы, но еще больше я не люблю стариков в болотных костюмах, которые любят умничать и корчить из себя детективов.

– Ну, так? – Спросил он, когда устал терпеть мое молчание.

– Меня назвали в честь первого человека на Земле, вот и все.

– А фамилия, у вас какая? – Продолжал он допрос.

Я устало вздохнул. Нужно было показать ему, что меньше всего на свете я хочу говорить с ним о своем происхождении. У меня были догадки – если я назову ему свою фамилию, то у него появится еще больше вопросов. Но я все же сказал:

– Кноспе.

– Интересно! – Возгласил он.

– Оно еврейское. – Сказал я, понимая, что сейчас он спросит о моей национальности. – Мой дед был наполовину евреем.

– Понятно. Но вы сам не будете считаться евреем, потому что еврейство передается через женщин, а не через мужчин. – Его длинный рот растянулся в пошлой улыбке, а затем он прохрипел. – Ну что ж, удачи вам сегодня в нашем мероприятии!

Я некоторое время помолчал. Этот Григорий Александрович был из тех, кто, сидя в свинарнике, воображает из себя великого и могучего деятеля всея Руси. Он действительно серьезно относился к этому конкурсу. А я сразу понял, что к чему. Какая-то берлога, набитая стариками, рыхлая куча стружек, которые служат для них сценой, а на ней величественно стоит кривая пыльная кафедра. Высший сорт. Высшее общество. Ладно.

– Где нам сесть? – Спросил я, наконец.

– Для начала вы должны взять альманах, чтобы ознакомиться с конкурентами.

– Это еще что? – Сморщил я лицо.

– Что это? – Оскорбился он. – Это сборник рассказов. Там и вы есть, между прочим.

– Ну, а где мы можем их взять? – Спросила Софья.

Григорий Александрович поднял палец вверх, повернул массивную голову к разноликой орде стариков и проорал:

– Лидия Петровна!

Из толпы выскочила высокая худая женщина. Она была в красном, плотно облегающем платье, а на шее красовалось ожерелье из черного жемчуга. Я медленно спустил свой взгляд на ее ноги. На них были желтые пестрые туфли на высоком каблуке. Ну и ну. Не нужно быть Коко Шанель, чтобы понять – это полная безвкусица. Но, несмотря на это, выглядела она неплохо. По крайней мере, выделялась из этой мрачной толпы.

Лидия Петровна ни слова не сказала, когда подошла к Григорию.

– Знакомся, – Сказал он, указывая на нас рукой, – это Адам, а это... – Он остановился на Софье и поднял брови, в ожидании.

– Софья. – Улыбнулась она.

– Точно. – Сказал он. – Ну, а Диму ты знаешь.

– Очень приятно. – Хриплым, холодным голосом отозвалась женщина. – Я Лидия.

– Взаимно. – Выдавил я из себя.

– Дорогая, можешь им дать один альманах?

Она, молча, ушла и вернулась через минуту с толстой зеленой книжкой в руках. Григорий вытянул ее из рук Лидии, раскрыл и протянул мне. Я не глядя внутрь, взял альманах, захлопнул и направился к скамейкам.

– Уже начинаем! – Сказал Дима и ушел к сцене.

Все покорно расселись по местам и принялись болтать. Со мной рядом присела пожилая женщина и обдала меня презрительным, сверлящим взглядом. Я бегло пробежался по ее лицу, оно было слишком надменным. Я осмотрел каждого человека в этом зале и сделал вывод – у всех у них мания величия. Сидят и корчат из новоявленных буржуа. На вид они все образованы и интеллигентны, но по жизни, видимо, ничего не добились, раз торчат здесь. А, может, им просто нечего делать, как и нам с Софьей.

– Вы Адам Кноспе? – Небрежно спросила меня женщина.

У нее в руках был открытый альманах и страница с моим произведением.

– Да.

– Мизантропам тяжело живется, а с комплексом сверх полноценности – особенно.

– А я не мизантроп.

– А ваш герой, да.

– Ну, так уж вышло. – Спокойно сказал я и отвернулся.

– Ты все свалил на общество. – Резко, перейдя с «вы» на «ты», поставила она меня в укор.

– Что?

– Ты обвинил всех и вся, кроме себя.

– Рассказ не про меня.

– Про тебя.

– Откуда вы знаете?

– Потому что такие, как ты, пишут только о таких, как ты.

– Вы все сказали? – Спросил я, немного разозлившись.

– Слишком негативно.

– Еще?

– Все плохие у тебя! – Воскликнула она. В ее пустых белых глазах, будто что-то треснуло.

Она продолжала. – Куда катиться мир? Нарожают дегенератов и радуются.

– Теперь все? – С каменным лицом и холодным тоном спросил я.

– Оскорбительно! – Она, наконец, выплеснула весь остаток своего яда.

– Знаю.

– Тогда зачем пишешь? – Выставила она вперед челюсть.

Я тяжело вздохнул и нахмурил брови. Почему ее так разозлил мой рассказ? Небольшой, простой, но пессимистичный рассказ про школу и о том, как там паршиво. Не более.

– Я пишу... – Говорю. – Для таких, как вы.

– Зачем это?

– Да чтоб позлить вас и оскорбить хорошенько! – Грубо ответил я и всем телом отвернулся к Софье.

Бабуля фыркнула и не издала больше ни единого звука. Слава Богу. Я уважаю взрослых людей, но иногда они перегибают палку. Да, они дольше прожили, вероятно, больше знают, но, отнюдь, морщины на лице и седые волосы – не привилегия. Всю жизнь, такие, как она, находят во мне козла отпущения. И не все из них старики. «Ты злой», «ты всех ненавидишь» – говорят они. И я удивляюсь, ей Богу. С каких пор, тот, кто говорит правду о человеке и в целом об этом мире зовется мизантропом? Чушь! Покажите мне хорошего человека, и у меня ни за что не повернется язык назвать его плохим или как-то осудить. Покажите мне океан, и я похвалю его. Дайте мне на руки ребенка, и я прижму его к груди, целуя в темечко. Покажите мне просящего, и я подам ему. А если покажете мне кучу навоза, то я моментально назову это говном.

Но самое удивительное, что эти люди, строящие из себя оптимистов, вовсе не являются такими. Это фикция. Они, на самом деле, сами озлоблены на весь мир, а иначе, просто снисходили бы до таких «убогих мизантропов», как я.

– Давай найдем твой рассказ? – Предложила Софья.

– Не надо. – Говорю. – Давай что-нибудь другое глянем.

Я раскрыл книжку и остановился на 97-ой странице. Рассказ назывался: «Как меня заблокировали в социальной сети». Написал некий Святослав Прохоренко.

– Ну, листай дальше. – Сказала она.

– Погоди. – Я поставил палец на начало текста и принялся за чтение.

«Как-то раз, летним, жарким вечером я зашел к себе в социальную сеть и обнаружил, что меня заблокировал старый одноклассник. Что в такие моменты может почувствовать человек пятидесяти лет? Огорчение, обиду, страх, разочарование...» Я остановился, не дочитав до конца.

– Ты прочла?

– Читаю. – Говорит она.

А я задумался, глядя в никуда. И о чем только думал Святослав Прохоренко, когда писал этот рассказ? Что чувствует человек, когда его блокируют на каком-то сайте? Может быть, кто-то и чувствует огорчение или еще что-то на подобие, но как он может почувствовать от этого страх? Страх перед чем? И он пришел с этим на конкурс, надеясь, что победит. С ума сойти. Наверняка, у него полно рассказов вроде этого. Типа: «Что чувствует человек, когда собирает одуванчики?» или «Что я делаю, если у меня в зубах застревает петрушка или мак». Забавно. Не удивлюсь, если бабушке, сидящей рядом, понравился этот рассказ. Мне до жути интересно почитать, что же настрочила она, но мне было безумно лень оборачиваться к ней и узнавать, на какой странице находится ее произведение.

– Да уж. – Дала оценку Софья. – Что за...?

– Дай-ка. – Сказал я, вытягивая из ее рук книжку.

– Дамы и господа! – Вдруг послышался голос Димы.

Я поднял глаза. Он стоял за кафедрой и с микрофоном в руках. Свою засаленную майку он сменил на белую, клетчатую рубашку. За какие-то пару минут он добротнo залил ее потом. Я хотел пожаловаться Софье, но потом вспомнил, что это бессмысленно. Ведь он гей и мне незачем его унижать перед ней. К тому же, я и сам порядком вспотел, просто на мне была темная рубашка, и пятна виднелись.

– Наш конкурс начинается. – Вещал он. – Жюри, пройдите, пожалуйста, на свои места.

Жюри были: Григорий, Лидия и какая-то старушка. Они просто уселись на первый ряд, у каждого в руках были эти самые великие альманахи, носители шедевральных произведений.

Все эти скучные, нудные объявления и сама церемония меня не очень интересовали. Зато рассказы в этих книжках вызвали у меня огромное любопытство. Я скакал по страницам в поисках дурацких, смехотворных историй. Все они начинались одинаково, с каких-то незначительных, неинтересных, высосанных из пальца описаний природы или какой-нибудь дурачести. Девяносто пять процентов было на тематику войны и старости. Остальные пять – несусветный бред. Однако среди всей этой скукоты я откопал один стоящий рассказ, который сошел бы даже за мировую классику. Он был по-настоящему добрым и человечным, хоть и про войну. Там говорилось о том, как русские солдаты относятся к немцам. Из этого краткого произведения я извлек очень важную для себя информацию. Оказывается, не все солдаты ненавидели своих врагов, находясь на фронте. Многие понимали, что это война и ни у кого нет выбора. Либо убивают тебя, либо ты убиваешь. Конечно, у обеих сторон, были плохие и кровожадные люди. Можно даже подумать, что их было большинство, особенно среди немцев. Но эта история была именно о дружном, добром товарищеском коллективе. Людском.

А самая абсурдная, несуразная чушь была написана какой-то женщиной, под псевдонимом Анна Невыносимая. Ее рассказ имел величественное название: «Синтезатор чувств». А начало звучало так:

«Кокосовой стружкой ложился февраль. Эта сухая мякоть разлеталась на ветру, хороня заблудших кошек и немых крыс на пыльных балконах, различных женщин...», я дочитал бы и дальше, но Софья толкнула меня в бок и сказала:

– Сейчас жюри объявит победителей.

– Что? – В недоумении, спросил я. – Каких победителей? Уже?

– Ну, да! Мы, считай, пришли только на вручение. Жюри выбрало победителя и сейчас его назовет. Ты что не слушаешь?

Я действительно не слушал. Есть у меня такая способность: становится глухим, когда мне не интересно.

– Жюри сделало выбор... – Голосил Дима.

– Ну, давай уже быстрее... – Пробурчал я.

– Куда ты спешишь? – Она взглянула мне в глаза и попыталась найти в них ответ.

Наши пальцы переплелись. Я укутался лицом в ее аспидно-черные прямые волосы и задержался там на некоторое время. Безграничная, таинственная вселенная.

– И все три судьи выбрали Михаила Гаврикова! – Воскликнул Дима. – С его замечательным рассказом «На фронте радостей нет»

Все захлопали, а я не вылезал из волос. Принюхивался к опьяняющему запаху ее тела и желал зарываться все глубже, и глубже.

– Адам. – Отодвинула она меня. – Перестань.

– Нет, не могу. – Сказал я и снова потянулся к ней.

– Все ваши работы прекрасны. – Говорил Дима с кафедры, подбадривая тех, кто не выиграл. – А Михаил Гавриков получает приз, в виде вот такой вот грамоты.

Я вытащил свою голову, последний раз пробежался по всему залу и сказал:

– Ну, все. Пойдем.

На улице было жарко. Пылающее солнце стояло очень высоко, окрашивая белую Тойоту моего брата в лимонный цвет. Волосы Софьи заблестели. Я был рад тому, что эта глупая церемония окончилась так скоро. Честно говоря, я даже не понял, что это было. Да и плевать.

Мы сели в машину, я завел ее и вдруг из здания вылетел Дима.

– Мы совсем не попрощались. – С досадой сказала она, глядя на меня. – Так некрасиво. Он подбежал к машине. Я опустил стекло.

– Спасибо за все. – Говорю. – Было круто.

– Уже уходите? – Запыхавшись, спросил он. – Я думал, останетесь. Мы сейчас чай будем пить.

Может, Софья и горела желанием остаться, но я безотчетно надеялся, что нет. Мне очень хотелось думать, что она имеет больше желания побыть со мной наедине.

– Ты знаешь... – Протяжно произнес я. – У меня нет желания оставаться тут.

Я почувствовал затылком, как она начала краснеть и опустила вниз глаза.

– Это все из-за того, что ты не выиграл? – Спросил Дима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.